

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

Матиас Шенк был уроженцем присоединенного к Германии пограничного района Бельгии. Он был сапером-подрывником и волей судьбы оказался среди печально известных эсэсовцев бригады Дирлевангера, отличившейся особыми зверствами во время подавления Варшавского восстания в августе–сентябре 1944 г.

Матиас Шенк (Mathias Schenk)

Когда в 1940-м немцы пришли в нашу деревню, мне было 14. (Район Eupen-Malmedy находится в немецкоговорящей части Бельгии. В 1919 г. он стал частью этой страны, а после захвата Бельгии Гитлером был присоединен к Рейху.) Уже в дестве я знал дорогу через границу. Мы помогали немецким евреям бежать в Бельгию, контрабандой носили через границу продукты... В октябре 1943 г. я был призван на работу в Рейх, а через полгода меня призвали в армию.

...Был жаркий день 1 августа 1944 г. Мы валялись на сене, которым был устлан пол вагона, и слушали стук колес. Неожиданно с деревянных стенок вагона посыпались щепки. Раздались вопли, пролилась кровь: «Кто-то стреляет по нам! Черт возьми, нас привезли на Русский фронт!» Мы увидели какого-то солдата, бежавшего к нашему поезду через поле. Его лицо было в крови. «В Варшаве началось восстание!» – кричал этот парень... Мы вошли в Варшаву, маршируя по брусчатке. Поляки стреляли по нам, но мы их не видели. Мы брали штурмом дом за домом, и повсюду находили трупы гражданских с дырками во лбу. Потом мы пробилась к эсэсовским казармам, а соседняя рота на грузовиках выскочила прямо на позиции поляков. Несколько грузовиков загорелось, солдаты стали разбегаться в разные стороны. Некоторые ринулись прямо на польские огневые точки. Наш сержант был убит в нескольких шагах от меня... На следующий день мы получили приказ оседлать дорогу и стали пробираться к ней через какие-то садики – наш лейтенант Фельз (Fels) гнал нас вперед. Затем мы попали под сильный огонь из какого-то здания – мы взорвали гранатами двери и ворвались в него. На нас навалились поляки, последовал короткий ножевой бой, и мы отступили – скрылись в кустарниках. Четверо из тех, с кем я когда-то ехал в одном железнодорожном вагоне, были убиты. И снова Фельз погнал нас в атаку, но поляки хорошо закрепились и замаскировались. Мы

всю ночь просидели в этих самых садиках, словно испуганные зверьки. Дальше отступить мы не могли, потому что поляки обстреливали нас с тыла. Меня мучала жажда... Мы все время были под огнем. На следующий вечер пехотинцы прибыли на место, чтобы спасти нас, но мы так и не сдвинулись с места. Затем прибыли эсэсовцы. Они выглядели как-то странновато – на их форме не было знаков различия, и все поголовно были накачаны водкой. Они немедленно бросились в атаку, вопя «ура» – десятки из них были скошены огнем противника. Затем подошел танк. Мы двинулись вперед, за нами следовали эсэсовцы. В нескольких метрах от здания танк был подбит. Затем он взорвался, и в воздух взлетело солдатское кепи... Мы снова отбежали назад. Второй танк не торопился вступить в бой. Итак, мы были в передовой линии, в то время как эсэсовцы выгоняли гражданских из домов, подталкивали их поближе к танку и заставляли садиться на броню. Я видел такое впервые в жизни... Они подогнали к танку польку в длинном пальто – в руках у нее была маленькая девочка. Люди, уже забравшиеся на танк, помогли ей вскарабкаться на броню. Кто-то взял девочку на руки, и в этот момент танк тронулся вперед. Девочка упала под гусеницы – ее раздавило. Женщина в ужасе закричала, и тогда один из эсэсовцев выстрелил ей в голову... Танк продолжил движение вперед. Кто-то пытался бежать, и эсэсовцы убивали этих людей...

Жертвы нацистского террора

Однако атака оказалась удачной: поляки отступили. Мы стали их преследовать. За нашими спинами из подвалов стали появляться гражданские с поднятыми руками. Они кричали «nicht partisan». Я не видел, что там происходило, поскольку мы перестреливались с поляками, но слышал, как командир эсэсовцев, одетый в кожаный плащ, орал на своих, отдавая приказ убивать всех подряд, включая женщин и детей. Преследуя поляков, мы ворвались в один из домов. Нас было трое. Мы были на первом этаже, когда поляки атаковали нас со второго этажа и из подвала. Было темно, и мы жгли мебель, чтобы хоть что-то увидеть. Временами вспыхивали штыковые бои. На рассвете я увидел, что нас осталось двое: у третьего парня оказалось перерезанным горло... Когда мы возвращались к своим позициям, убитые поляки валялись всюду и везде. Нам ничего не оставалось, как просто идти по мертвым телам. Этот фанатичный придурок Фельз встретил нас вполне доброжелательно: «Ну и где вы были, наглые свиньи?» Потом он начал расхваливать эсэсовцев за их доблесть. Ну а я не мог даже есть – всех нас выворачивало наизнанку...

Оскар Дирлевангер (Oscar Dirlwanger)

Уже в казармах я услышал, что тот здоровенный эсэсовец на самом деле был Оскаром Дирлевангером, а его солдаты – уголовниками, освобожденными из тюрем. Мы звали его «мясником», но вполголоса, так как в его подразделениях дорога в петлю была очень короткой. У него была привычка вешать людей по четвергам... поляков или собственных людей – так, ни за что. Часто он сам выбивал табуретку из-под ног у своих жертв. Через несколько дней мы попали под командование Дирлевангера. По трое *sturmpioniere* (саперы-взрывники штурмовых групп) на каждый взвод эсэсовцев. Нашей задачей было расчищать путь атакующим, взрывать препятствия и двери. Мы все время были на острие атаки. Подбегаешь, закладываешь взрывчатку и после взрыва влетаешь в дом. Мы заскакивали в дома и выгоняли из них жителей. За нами следовали орды Дирлевангера. Они выглядели как бродяги – грязные, в оборванной униформе. При этом оружие было не у всех – некоторые брали его у убитых. По утрам им давали водку. Мы, саперы, тоже получали водку. Пили на голодный желудок, потому что перед атакой есть не принято. Если в животе пусто, можешь выжить, а если тебя подстрелят в полное брюхо, умрешь в мучениях... Дирлевангер продвигался вперед позади атакующих, иногда сидя в танке или под хорошим прикрытием. Его делом было гнать людей вперед. Отставшим он стрелял в спину...

Обычно было достаточно лома, чтобы взломать дверь дома. Для дверей покрепче мы использовали взрывчатку или связку из трех гранат... Как-то я закладывал взрывчатку под тяжелые двери где-то в Старом городе. Из-за двери послышался голос: «*Nicht schießen!*». Двери открылись, и перед нами предстала медсестра с крошечным белым флажком. Мы вошли в дом с примкнутыми штыками и увидели огромный зал с кроватями и матрасами на полу. Всюду были раненые. Кроме поляков там были раненые немцы. Они умоляли эсэсовцев не убивать поляков. Польский офицер, врач и 15 польских медсестер сдали нам военный госпиталь. За нами вошли парни Дирлевангера. Одну из медсестер мне удалось спрятать, но потом мы получили приказ выйти на охрану здания. Уже после войны я узнал, что произошло потом. Эсэсовцы перебили всех раненых – они разбивали им головы прикладами. Раненые немцы вопили от ужаса. Затем эсэсовцы принялись за медсестер – с них срывали одежду, и мы слышали, как женщины визжали.

Вечером на площади Адольфа Гитлера (теперь – площадь Пилсудского) стоял рев, как на соревнованиях по боксу. Я и мой приятель вскарабкались на стену, чтобы посмотреть,

что происходит. Там были солдаты из разных частей, включая вермахт, казаков Каминского, пацанов из Гитлерюгенда. Они свистели и вопили. Дирлевангер стоял в компании своих парней и хохотал. Медсестер из госпиталя прогнали через площадь раздетыми догола с руками за головой. С их ног стекала кровь. За ними тащили доктора. Всех подогнали к виселице, где уже болталось несколько трупов. Когда вешали одну из медсестер, Дирлевангер сам выбил у нее из-под ног кирпичи, на которых она стояла. Я больше не мог на это смотреть... Мы побежали к себе в расположение, и по дороге увидели казаков Каминского, которые гнали куда-то гражданских. Мы звали этих парней 'Cossacks Hiwis' (Hilfswillige – добровольные пощники). Какая-то беременная полька упала на землю. Один из них повернулся и ударил ее кнутом. Она попыталась уползти на коленях, но эти парни затоптали ее копытами своих лошадей...

Военнослужащие РОНА во время Варшавского восстания. В центре – майор И. Д. Фролов. Офицер справа от Иван Фролова – лейтенант Михальчевский. Иван Фролов будет казнен в 1946 году по приговору Военной коллегии Верховного суда
[http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Warsaw_Uprising - Kaminski %281944%29.jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Warsaw_Uprising_-_Kaminski_%281944%29.jpg)

Наши парни погибали, на их место присылали других. Мне просто по-тупому везло, возможно, потому, что посылая меня в бой, Фельз желал мне «сдохнуть как собаке». Нашу команду подрывников прозвали *Himmelfahrtskommando* (можно перевести как *Восходящие на Небеса – ВК*), потому что мы всюду были первыми и продвигались под огнем поляков, который они вели непонятно откуда. Пуля просвистела – и ты на небесах... Они стреляли по нам с крыш домов из-под слегка приподнятых черепичных плиток. Многие из них сражались в немецкой униформе и хорошо говорили по-немецки. Мы даже не могли носить свои каски, потому что такие же каски носили поляки. Мы просто боялись, что по нам начнут стрелять свои же...

Повстанцы в бою (http://polskiedzieje.pl/wp-content/gallery/zdjecia_z_walk/09.jpg)

Мне присвоили звание ефрейтора (Gefreiter). Это повышение происходило автоматически после участия в 15 рукопашных боях. Каждый такой бой регистрировался в моей солдатской книжке, и даже Фельз как-то отметил мою храбрость. Во фронтовой газете *Das Weichselblatt* («Висленские Новости») появилась заметка о том, что ефрейтор Шенк сумел освободить захваченных в плен немецких солдат. Случилось это так: я просто готовился взорвать очередную дверь, когда услышал чей-то голос: «Не стреляйте!» Двери открылись, и около 30 немецких солдат вышли из дома. Они рыдали от счастья и целовали меня. Они рассказали, что поляки взяли их в плен, но обращались с ними хорошо. Тогда-то я и получил Железный Крест 2-й степени... Как-то мы взорвали двери одного дома, думаю, это была школа. Дети стояли в холле и на лестнице. Много детей. У всех руки были подняты вверх. Мы смотрели на них какое-то время, пока не появился Дирлевангер... Он отдал приказ убить всех. Эсэсовцы перестреляли всех, а потом ходили прямо по телам и разбивали им головы прикладами. Кровь текла ручьем вниз по лестнице. Теперь на этом месте установлена мемориальная доска, на которой написано, что здесь было убито 350 детей. Я думаю, их было намного больше, возможно, 500... Каждый раз, когда мы брали штурмом подвалы, в которых были женщины, солдаты Дирлевангера насиловали их. Множество раз группы эсэсовцев насиловали одну и ту же женщину, не выпуская из рук оружия. Как-то после боя я стоял у стены и трясся, не в силах совладать с нервами. Тут появились парни Дирлевангера. Один из них нашел себе женщину... хорошенькую женщину. Она не кричала. Солдат изнасиловал ее, крепко прижав одной рукой ее голову к столу, в другой держа штык-нож. Потом он разрезал на ней блузку, а затем вспорол ее тело от живота до горла....

Бундесарми. Bild 103 61922
Fot. Schenker / Agfot. 1945 ka.

Солдаты Дирлевангера в бою

Первый раз я попал в штрафную роту за то, что надел найденное в одном из подвалов белье вместо казенного. Второй раз мне досталось из-за священника. Мы взорвали дверь в монастырь, и двое из нас вошли в подвальное помещение. Нас встретил священник. В руках у него были чаша для причастия и просфоры. Наверное, это был какой-то порыв... Мы опустились на колени и причастились. Затем прибежал третий парень из нашей команды и сделал то же самое. Ну а потом ворвались эсэсовцы, и начались обычная стрельба, вопли и стоны. С монашками обошлись по-обычному... Через несколько часов мы увидели священника в руках у ребят Дирлевангера. Эсэсовцы пили вино из чаши, просфоры были разбросаны по полу. Они мочились на прислоненный к стене крест и пытали священника: его лицо было окровавлено, сутана разорвана в клочья. Мы вырвали священника из их лап и передали его в свой батальон, но больше я о нем ничего не слышал. Однако потом я получил наряд вне очереди и был отправлен часовым на охрану моста. Мосты через Вислу были взорваны, но кое-где еще оставались целые пролеты. День и ночь я вынужден был простоять на остатках моста и наблюдать за русскими. Ночь прошла тихо. Иногда вспыхивали перестрелки, но палили, в основном, в воздух: противник был слишком далеко. В дневное время русские перемещались по своему берегу довольно беззаботно.

Уже и не припомню, когда мы решили убить эту свинью Фельза. Мы просто хотели остаться в живых, а он гнал и гнал нас вперед. Нас было семь или восемь – мы смешали наши винтовки (две из них были заряжены) и тянули их по очереди. Когда подвернулся удобный момент, и Фельза оказался впереди нас, ему выстрелили в спину. Он упал, ну а мы сбежали. Новый командир оказался куда гуманнее... Не могу вспомнить сегодня, что мы штурмовали в тот день: возможно, это был Национальный Банк, и мы долго не могли захватить это здание. На следующий день подвезли *Goliath* (танкетка с дистанционным управлением для подрыва препятствий и укреплений). Его направили к зданию, впереди него заставили идти гражданских поляков. Они заслоняли собой *Goliath*, потому что мы знали, что повстанцы научились подрывать эти танкетки тогда, когда они еще были на нашей передовой линии (при этом погибало много наших солдат). *Goliath* взорвался и пробил дыру в стене здания. Потом мы всю ночь гонялись за поляками по подвалам и этажам здания. Утром подошел наш танк, и здание было взято окончательно. В подвалах полы были усыпаны множеством золотых монет. Мы набивали ими карманы так плотно, что с нас сваливались брюки. Потом золото исчезло. Ребята говорили шепотом, что Дирлевангер куда-то его вывез...

Варшава, 1944. Немецкие солдаты готовят Goliath к бою

Помню свой последний бой в Варшаве. Мы штурмовали какое-то здание, и мне пришлось перебежать через поле. Я наткнулся на лежавшего на земле раненого солдата и дал ему воды из своей фляжки, затем побежал дальше, чтобы положить заряд под дверь. За нами продвигались эсэсовцы. Когда я вернулся, меня остановил Дирлевангер и ткнул пальцем в сторону раненого: «Ты дал воды этой свинье?» И тут я заметил на немецкой форме раненого парня красно-белую повязку! «Пристрели его», – сказал Дирлевангер и протянул мне свой пистолет. Я стоял без движения, меня от этого тошнило. Дирлевангер был в такой ярости, что я даже не мог понять, что он кричит. Один из дирлевангеровских эсэсовцев вырвал из моих рук пистолет и пристрелил поляка... Дирлевангер заорал, что расстреляет меня на месте. Затем подошли несколько солдат вермахта, и он начал угрожать мне военно-полевым судом. Пехотный офицер ввязался в яростный спор с ним, а я тем временем просто убежал.

Где-то с 6 августа я помню только тяжелые бои в определенной последовательности, но не помню дат. Помню, 15 сентября я смотрел на противоположный берег Вислы и увидел русский танк. Затем подошел второй, потом третий. Они выкатились к берегу, и мы запаниковали. Наши позиции были у русских как на ладони, но они не стреляли. Потом танки исчезли между домами... В конце сентября капитулировали последние повстанцы. Нам в плен сдалось большое количество людей, всех раненых разместили на большом складе, а нам приказали уходить. Уже издали мы услышали вопли и выстрелы. Я знал, что произошло...

Потом пришло время отступать. Нам удалось оторваться от советских танков и не попасть в руки эсэсовцев, которые вешали дезертиров на деревьях. Мы побросали почти все наше оружие, избавились от ремней и касок. Некоторые из нас были ранены, но скрывали это, потому что боялись, что их бросят свои же. Иваны шли по нашим следам, которые мы оставляли в глубоком снегу... Я устал, силы мои иссякли, и я решил залечь в канаве на краю леса. На мне был белый камуфляжный халат, похожий на те, которые носили русские. Меня нашли польские крестьяне. «Советский?» – спросили они. «Немец?» – Я кивнул. – Бедный мальчик, ты голоден?» – спросил меня самый высокий из них по-немецки. Меня потащили в дом. Мне было страшно. В армии меня учили, что поляки – хитрые и коварные. Когда в кухне появилась девушка, держа в руках большой нож, я было подумал, что они решили зарезать меня. Однако вместо этого она разрешила мои башмаки, потому что снять их они не смогли. У меня были сломаны рука и нога, я был сильно обморожен. Они дали мне горячего молока... Так я оказался на ферме братьев Бржевинских (Brzewinski) в деревне Ochodza. Я стал звать Игнация «отец», а Винцента – «дядя». Они звали меня *Mateusz* и прятали в конюшне, где у них было три лошади. Русским, которые пришли прочесать деревню, они сказали, что я – тяжело больной сын

хозяина. Почему они спасли меня? Я уже никогда этого не узнаю. Наверное, из милосердия: я выглядел как побитый мальчишка.

В июне 1946-го я покинул деревню. Дорога домой заняла у меня три месяца. Я прошел через польские блокпосты и американский лагерь для военнопленных в Берлине. Бельгийские жандармы отвезли меня в Брюссель, чтобы допросить, но никто мною не заинтересовался. У меня не было никаких документов, и любой сказал бы, что этот парень – бельгиец.

В 1980-е я организовывал доставку продуктов и одежды в Польшу и вновь побывал в Варшаве, где встречался с ветеранами – участниками Восстания. Один из них рассказал, что стрелял по последнему поезду, прибывшему в Варшаву 1 августа 1944 г....

Włodzimierz Nowak & Angelika Kulniak. My Warsaw Madness. The Other Side of the Warsaw Uprising. Gazeta Wyborcza, 08/27/2004 (<http://www.warsawuprising.com/witness/schenk.htm>)

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Ранее публиковалось на сайте www.warspot.ru

Возврат на главную страницу www.warsstory.org